

Екатерина Болтунова Галина Егорова

Охрана историко-культурного наследия в РСФСР и БССР: практики администрирования, финансирование и границы возможностей (вторая половина 1960-х — середина 1970-х гг.)¹

Болтунова Екатерина Михайловна, кандидат исторических наук, директор, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

ekboltunova@hse.ru

Егорова Галина Сергеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

gsegorova@hse.ru

Аннотация: Во второй половине 1960-х гг. в СССР активизировалась институционализация охраны историко-культурного наследия, что выразилось в создании добровольных обществ в ряде союзных республик, в том числе в Литве (1965 г.), Киргизии, Молдавии, Украине, Белоруссии и России (1966 г.). В настоящей статье анализируются различия в административных и финансовых возможностях двух республиканских структур — существовавшего в РСФСР Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК) и Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (БДООПИиК). Результаты анализа,

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

проведенного с привлечением широкого круга архивных документов, позволяют утверждать, что созданная в СССР в послевоенный период сеть добровольных обществ защиты памятников представляла собой систему распределения ресурсов. Неотъемлемой частью подобных структур был механизм, нацеленный в широком смысле слова на регуляцию публичного высказывания, однако функционирование такого механизма серьезно варьировалось от республики к республике. Ключевым звеном здесь становились социально-экономические условия, в которых оказывались члены обществ. Статья демонстрирует, что администрирование российского и белорусского обществ формировало систему, в которой БДООПИиК имел серьезные преимущества перед ВООПИиК в части продвижения своей повестки и возможностей влиять на принятие того или иного решения. Кроме того, в БССР существовала стабильная система финансирования республиканского общества охраны памятников, тогда как ВООПИиК в центральных регионах РСФСР сталкивался с постоянной нехваткой ресурсов.

Ключевые слова: СССР, РСФСР, БССР, наследие, охрана памятников, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), Белорусское добровольное общество охраны памятников истории и культуры (БДООПИиК), администрирование, финансы, Орел, Гродно.

**Historical and Cultural Heritage Protection
in the RSFSR and BSSR: Administration Practices,
Financing, and Boundaries of Possibilities
(Second Half of the 1960s — mid-1970s)**

Boltunova Ekaterina Mikhailovna, PhD (History), Director, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).
ekboltunova@hse.ru

Egorova Galina Sergeevna, PhD (History), Senior Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University).

gsegorova@hse.ru

Abstract: In the USSR in the second half of the 1960s the institutionalization of historical and cultural heritage protection intensified. Societies for the protection of monuments appeared in several Soviet republics, including Lithuania (1965), Kyrgyziya, Moldavia, Ukraine, Belarussia and Russia (1966). This article analyses the differences in the administrative and financial capacities of two republican structures — the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture (VOOPIiK) and the Belarusian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture (BDOOPIiK). The findings based on a wide range of archival documents, suggest that the network of voluntary societies for the protection of monuments established in the USSR in the post-war period was a system of resource allocation. An integral part of such structures was a mechanism aimed, in the broad sense of the word, at regulating public statement. The functionality of this mechanism exhibited significant variations from republic to republic. The pivotal factor in this regard was the socio-economic conditions in which the members of the societies found themselves. The article demonstrates that the administration of the Russian and Belarusian Societies formed a system in which the BDOOPIiK had serious advantages over the VOOPIiK in terms of promoting its agenda and ability to influence decision-making process. The BSSR had a stable system of funding for the Republican Society for the Protection of Monuments, while VOOPIiK in the central regions of the RSFSR faced a constant lack of resources.

Key words: USSR, RSFSR, BSSR, heritage, monument protection, All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and

Екатерина Болтунова, Галина Егорова «Охрана историко-культурного наследия...»

Culture (VOOPiK), Belarusian Voluntary Society for the Protection of Monuments of History and Culture (BDOOPiK), administration, finance, Orel, Grodno.

Шестидесятые годы XX в. стали временем создания в СССР огромной сети добровольных обществ по охране памятников истории и культуры. Первые подобные организации появились в Грузии и Латвии (1959 г.), несколько позже — в двух других закавказских республиках, Азербайджане (1962 г.) и Армении (1964 г.), а затем в Литве (1965 г.), Таджикистане и Туркмении (1965 г.). В 1966 г. «очередь» дошла до Киргизии, Молдавии, Белоруссии, Украины и, наконец, России (РСФСР). Позже всего общества охраны открылись в Узбекистане (1967 г.) и Казахстане (1972 г.)².

Рассматривая историю разворачивания в стране сети обществ охраны памятников как явление, важно иметь в виду ряд существенных позиций. Во-первых, в соответствии с установками эпохи речь шла о появлении массовой организации. К 1971 г. на уровне индивидуальных членств в работу подобных обществ было вовлечено около 16 млн человек³. Половина из этого числа — 8 млн человек — приходилась на долю РСФСР⁴. Очевидно, действительный охват был существенно шире, поскольку одной из распространенных и активно поощряемых форм участия было коллективное членство предприятий и организаций.

Образование республиканских отделений стало событием в общественной жизни СССР и фактором, сыгравшим значи-

2 Даты приведены по: Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18 (под ред. А. М. Прохорова). М.: Советская энциклопедия, 1974. С. 241. См. также: Dambis J. Protection of Cultural Heritage. Latvia. State Inspection for Heritage Protection, 2018. P. 16.

3 Большая советская энциклопедия: в 30 т. Т. 18. С. 241.

4 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4–6 июля 1972 г.). М.: Издательство «Советская Россия», 1973. С. 38. Рост числа членов таких обществ в первые годы их существования был стремительным. На Учредительном съезде российской организации министр культуры РСФСР Н. А. Кузнецов сообщил, что предварительный подсчет желающих вступить в Общество по 28 областям указывает на более 1 млн человек и больше 1 тыс. предприятий (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГА РФ). Ф. 639. Оп. 1. Д. 6. Л. 53).

мую роль в формировании позднесоветской публичной сферы, — у каждого из республиканских обществ были свои печатные органы, такие как грузинское издание «Друзья памятников культуры», латвийский «Календарь природы и истории», вестник «Памятники Туркменистана», бюллетени «Памятники Украины» и «Памятники истории и культуры Белоруссии», а также издававшиеся в РСФСР «Памятники Отечества».

Во-вторых, сам по себе процесс создания сети советских добровольных обществ охраны памятников отражает более широкий исторический контекст. Обозначившийся в послевоенный период интерес к дореволюционному прошлому страны, исторической древности республик СССР и — шире — категории «наследие»⁵ — нашел свое отражение в активных дебатах о принципах реставрации и восстановления объектов, разрушенных в период войны⁶, росте познавательного туризма (особенно со стороны представителей интеллигенции)⁷, публикации огром-

- 5 Deschepper J. Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 55. № 5. P. 491-506.
- 6 Qualls K.D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010; Kelly C. *The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital* // *Slavonica*. 2011. Vol. 19. № 9. P. 103-122; Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016; Mijnsen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021.
- 7 Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022; Мельникова Е. А. Интеллигенция как событие: валаамское наследие и его хранители в позднем СССР // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 181-220; Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union* // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 2. P. 283-309; Donovan V. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press, 2019; Donovan V. "How Well Do You Know Your Krai?" The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. № 3. P. 464-483.

ного объема тематической научно-популярной литературы, газетных и журнальных статей⁸. К тому же общественный интерес к историко-культурному наследию возрастал параллельно с актуализацией схожей повестки в научно-исследовательской среде — в 1967 г. Президиум Академии наук и Министерство культуры СССР приняли Постановление о подготовке колоссального по замыслу «Свода памятников истории и культуры СССР», который стал одним из самых масштабных проектов, нацеленных на фиксацию и каталогизацию памятников истории и культуры в масштабах всей страны.

Наконец, в-третьих, советский поворот в сторону охраны историко-культурного наследия совпал с европейскими тенденциями того времени и в значительной мере основывался на стремлении СССР к включенности в мировую повестку⁹. Разворачивая собственные культурно-исторические проекты, СССР активно апеллировал к иностранному опыту в самых разных сферах — от стандартов реставрации и стремления следовать рекомендациям ЮНЕСКО¹⁰ до указания на необходимость перенять

- 8 Воронин Н.Н., Грабарь И.Э. и др. В защиту памятников прошлого // Литературная газета. 1956. № 100 (3601). С. 1; Глазунов И. ...Принадлежит народу: О необходимости усиления охраны памятников культуры и старины // Смена. 1965. № 5. С. 16-17; Коненков С. Дорогое родство // Огонек. 1961. № 2. С. 31; Лихачев Д. С. Памятники культуры — всенародное достояние // История СССР. 1961. № 3. С. 9-11; Солоухин В. А. Родная красота: для чего надо изучать и беречь памятники старины. М.: Советский художник, 1966.
- 9 О значении, которое для советского социума имела фигура западного наблюдателя, см.: Голубев А.В. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985). Сборник статей/под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219-253.
- 10 По воспоминаниям председателя ВООПИиК В.И. Кочемасова, Закон об охране памятников истории и культуры в этот период разрабатывался с учетом отечественного и зарубежного опыта, а также рекомендаций ЮНЕСКО (Как гражданин России: сборник/ред.-сост. Т.А. Князева. М.: Альманах «Памятники Отечества», 1997. С. 175).

европейский опыт и сделать культурный туризм доходной отраслью¹¹. В 1957 г. СССР стал членом Международного совета музеев, а в 1965 г., после образования Международного совета по сохранению памятников и достопримечательных мест (ИКОМОС), в Советском Союзе появился собственный комитет организации, финансирование которого осуществлялось через Министерство культуры СССР¹². В 1967 г. страна активно включилась в продвижение Года международного туризма, объявленного ООН.

Вместе с тем, несмотря на указанные тенденции — массовость, соотнесенность одновременно с внутренне- и внешнеполитической повесткой, — разветвленная многомиллионная система добровольных обществ охраны памятников так и не обрела своего, казалось бы, логичного для советских реалий завершения — объединения во всесоюзном масштабе¹³. Учитывая последовательность в реализации установки на объединение, которую в СССР демонстрировали все годы существования страны, решение не переходить на общесоюзный уровень в деле организации охраны памятников вызывает серьезные вопросы. Почему такая композиция была предпочтительнее для властей? Насколько схожими или, напротив, отличными друг от друга с точки зрения администрирования и доступа к ресурсам были республиканские общества охраны памятников?

- 11 Анкудинов В. Все флаги в гости к нам // Путешествие в Советский Союз. 1967. № 4. С. 5; Бабкин В. Международный год туризма в СССР // Путешествие в Советский Союз. 1967. № 4. С. 4.
- 12 Душкина Н. О. К 40-летию со дня основания ИКОМОСа. Международные доктрины ИКОМОСа и отечественная практика сохранения наследия // Реставратор. 2006. № 1(10). С. 18-22.
- 13 О попытке создания общесоюзного общества см.: Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Всесоюзный/Всероссийский: нереализованный проект создания Общества охраны памятников СССР // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960-1990-х гг./под общ. ред. Г. А. Янковской. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2023. С. 53-68.

Ответы на эти вопросы, очевидно, следует искать вне рамок устоявшихся историографических трактовок. Отметим, что в основе последних лежит дискуссия об общественной или политической природе советских добровольных обществ, при этом спектр мнений различается от установки, согласно которой речь идет о реализации широкой общественной инициативы¹⁴, до представления, что система такого рода имела квазиобщественную природу, существуя в тотальной зависимости от государства и реализуя задачи пропагандистского характера¹⁵. Добавим, что в современной исследовательской литературе появилась также трактовка, согласно которой деятельность обществ охраны интерпретируется как форма низового активизма, оппозиционной власти по своей сути¹⁶.

На наш взгляд, сформулированные выше вопросы не решаются в рамках указанной дискуссии. Напротив, продуктивным подходом может стать, с одной стороны, рассмотрение добровольных обществ охраны памятников в рамках институциональной истории, а с другой — привлечение сопоставительного контекста. Определение принципов работы механизма, заложенного в основание подобных структур, а также анализ управляемости — на административном и финансовом уровне — позволят обнаружить существовавшие или отсутствующие возможности влияния на процесс принятия решения. Сравнение деятельности отдельных республиканских обществ, в свою очередь, прояснит вопрос о соотношении общего и особенного в деятельности добровольных обществ охраны памятников.

14 Банных М.П. Участие общественности в деятельности исполкомов местных Советов. М., 1972. С. 17.

15 Гологин И.В. Государственная политика в области охраны памятников истории и культуры в 1953-1985 гг. (по материалам Ярославской области). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2011. С. 19.

16 Неплюев П.А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 58(3). С. 79-93.

Задача этой статьи — ответить на поставленные выше вопросы на примере двух республиканских организаций, а именно существовавшего в РСФСР Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (далее — ВООПИиК) и Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры (далее — БДООПИиК).

Общества двух славянских республик СССР появились в одно время. Создание ВООПИиК было инициировано Постановлением Совета Министров РСФСР в июле 1965 г.¹⁷ Спустя почти год, в июне 1966 г. состоялся Учредительный съезд Общества. Инициатива формирования аналогичной организации в Советской Белоруссии была оформлена в июне 1965 г. Постановлением Совета Министров БССР и, что принципиально важно, ЦК Компартии Белоруссии¹⁸. БДООПИиК был создан решением съезда Общества, который прошел в декабре следующего, 1966 г.¹⁹ При этом белорусская организация получила в наименовании слово «добровольное», отсутствовавшее в названии российского общества.

Появление организаций в двух республиках стало частью долгого процесса борьбы за право создания обществ в России и Белоруссии. Показательно, что в 1964 г. обратившиеся к только что назначенному на должность генсека Л. И. Брежневу деятели науки и культуры, предлагавшие в очередной раз одобрить создание в славянских республиках СССР добровольных обществ охраны памятников культуры, использовали беспрецедентный по силе высказывания аргумент, заявив, что в стране «создалось

17 Решение о создании организации принималось на республиканском уровне, а затем оформлялось Учредительным съездом.

18 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г.: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 345.

19 Там же.

положение *дискриминации по отношению к народам Российской Федерации, Украинской и Белорусской республик* (курсив наш. — *Прим. авт.*), где общества не разрешаются, но существуют в Грузии, Азербайджане, Армении, Латвии»²⁰. Акцент на национальной дискриминации был усилен пассажем о том, что «положение с сохранностью памятников культуры в Российской Федерации, Украинской и Белорусской республиках является наиболее тяжелым, нуждающимся в помощи широкой общественности»²¹.

Существенно, что общества охраны памятников в РСФСР и БССР представляли территории, историко-культурное наследие которых подверглось истреблению во время Великой Отечественной войны, а значит, перед членами новых общественных организаций стояли одни и те же задачи.

Отметим вместе с тем, что, проводя анализ, следует иметь в виду, что по числу членов ВООПИиК и БДООПИиК существенно отличались друг от друга. Так, в 1975 г. число членов БДООПИиК достигло 1,5 млн человек²², в ВООПИиК в 1977 г. состояло уже 12,2 млн человек²³. Согласно этим цифрам, к середине 1970-х гг. ВООПИиК был примерно в 8 раз больше, чем БДООПИиК. Однако при сопоставлении этих цифр с общей численностью населения республик становится понятно, что вовлеченность белорусов в республиканские структуры Общества охраны памятников была фактически в два раза выше, чем в РСФСР. В Белорусской ССР в 1975 г. проживало 9331 тыс. человек²⁴, в РСФСР в 1977 г. — 136546 тыс. человек²⁵,

20 Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 4. Оп. 18. Д. 760. Л. 72.

21 РГАНИ. Ф. 4. Оп. 18. Д. 760. Л. 72.

22 Белорусский государственный архив научно-технической документации (далее — БГАНТД). Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 94. Л. 16.

23 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). М.: б/и, 1979. С. 42.

24 Народное хозяйство СССР: Статистический ежегодник. 1975 г. М.: Госстандарт, 1976.

25 Численность, состав и движение населения СССР в 1977 году. Статистический сборник. М.: б/и, 1979.

а значит, в середине 1970-х гг. в обществах охраны состояли 16% жителей Белоруссии и всего 8,93% жителей Советской России.

Администрирование и границы возможностей

Появление обществ вызвало бурный интерес в обеих республиках. В РСФСР еще до начала работы Учредительного съезда к главе российского Общества В. И. Кочемасову поступали письма и телеграммы от граждан с просьбой принять в члены будущей организации, вплоть до формулировок «Прошу считать меня членом общества»²⁶, что с учетом нарративного контекста эпохи может расцениваться как декларация перехода в новое состояние.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. как ВООПИиК, так и БДООПИиК развернули активное обсуждение целого ряда вопросов: что следует считать культурно-историческим наследием²⁷, какие объекты являются приоритетными с точки зрения охраны, на каких основаниях формировать новую общественную организацию и т. д. Более того, общества смогли привлечь в свои ряды людей с активной жизненной позицией, превратившись в востребованную площадку для публичного критического высказывания. По материалам одного только ВООПИиК, за 1967-1971 гг. в орга-

26 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 53. Согласно Уставу ВООПИиК, членом организации мог стать любой гражданин СССР, достигший 16-летнего возраста (Государственный архив Владимирской области (далее — ГАВО). Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 566.; Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. Ростов-на-Дону.: б/и, 1966. С. 5). В архиве ВООПИиК сохранились письма жителей других советских республик — в том числе тех, где подобные организации уже существовали, — выражавших желание присоединиться к ВООПИиК (ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 43).

27 Елена Гапова демонстрирует, как в процессе переосмысления белорусской интеллигенцией 1960-х гг. собственной истории республика из «края болот» превратилась в романтическую и священную «страну замков» (Gapova E. “The Land under the White Wings”: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus // Rethinking Marxism. 2017. Vol. 29. № 1. P. 173-198).

низацию поступило 22 тыс. писем от граждан и членов Общества с различными жалобами и предложениями по организации реставрации и охраны памятников²⁸. Под огонь критики попали все — от Минкульта до местных партийных органов, от реставрационных мастерских, не способных привести в порядок собственное здание, до крупных промышленных предприятий, не желающих выделять средства на охрану памятников²⁹.

Не менее заметной для власти, очевидно, была и риторика, использовавшаяся в публичных дебатах на тему наследия. Она часто прямо противоречила актуальным политическим установкам. Так, в 1960-е гг. призывавшие к сохранению наследия жители Москвы могли заявлять о необходимости обратить внимание на улицу Дзержинского, однако главным объектом в пространстве, получившем свое название в честь основателя ВЧК, в подобных рассуждениях оказывался собор Сретенского монастыря с погибающими в нем фресками XVII в.³⁰ Не менее обеспокоенные вопросом сохранения объектов прошлого мурманчане, несмотря на разворачивание в стране очередной антирелигиозной кампании, декларировали необходимость «срочно... реставрировать церкви» или требовали у предприятий города выделения средств на реставрацию, вспоминая обычаи поморов — «рыба, пойманная в дни религиозных праздников, шла на реставрацию и ремонт церквей»³¹. Интересно, что вплоть до начала 1970-х гг. в ВООПИиК обсуждались предложения дать Обществу другое название — например, «Общество любителей искусства и старины» или «Общество ревнителей истории», что, без сомнения, отсылало к дореволюционной традиции подоб-

28 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4–6 июля 1972 г.). М.: Издательство «Советская Россия», 1973. С. 42.

29 См., например: Государственный архив Мурманской области (далее — ГАМО). Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 3. Л. 33, 56; ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 166а. Л. 16; ГАВО. Ф. Р-57. Оп. 1. Д. 20. С. 10–11.

30 ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 6. Л. 71.

31 ГАМО. Ф. Р-1169. Оп. 1. Д. 3. Л. 10.

ных обществ³². Материалы местных отделений свидетельствуют о том, что упоминание ведущей роли партии в работе по сохранению наследия или дискуссии о значении ленинских мест и памятников революции 1917 г. не занимали сколь бы то ни было значительного места в повестке организации. Главным предметом внимания были объекты дореволюционного прошлого — соборы и церкви, усадьбы и боярские палаты, крепости и городища и пр.³³ Например, в Орле, где в это время составили список культурного наследия города и области, первое место в реестре было отдано могиле генерала А. П. Ермолова, а последнее — памятнику В. И. Ленина в областном центре³⁴.

В БДООПИиК в эти годы было не меньше оригинальных идей, столь же далеких от основного нарратива, — здесь, например, обсуждали возможность построить «исторический памятник у деревни Лесной» на месте сражения войск Петра I со шведами³⁵, рассуждали о необходимости обследовать «состояние памятников и кладбищ солдат русской армии и бойцов Красной Армии, погибших в Первую мировую»³⁶, ставили вопрос о проведении реставрации дворца Л. Сапеги, а также ряда церквей и костелов³⁷.

- 32 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 50.
- 33 Определенную роль в дебатах играло и сохранение памяти о Великой Отечественной войне, прежде всего сохранение могил. Так, выступая на открытии Учредительного съезда ВООПИиК 8 июня 1966 г., В. И. Кочемасов отметил, что «в поселке Взморье Калининградской области братская могила, расположенная рядом со школой и клубом, заросла травой, за ней нет никакого ухода; а в этой могиле похоронены три Героя Советского Союза» (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 6. Л. 22). Стоит отметить, однако, попытки контроля содержания воинских кладбищ и братских могил. С 1953 г. Министерство культуры РСФСР по поручению Совета Министров РСФСР ежегодно вступало в переписку с военными ведомствами по вопросам улучшения содержания воинских кладбищ и братских могил (ГА РФ. Ф. А-501. Оп. 2. Д. 2с.; Ф. А-501. Оп. 2. Д. 8с).
- 34 Государственный архив Орловской области (далее — ГАОО). Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 1. Л. 9-14.
- 35 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 50.
- 36 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 84-85.
- 37 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 14. Л. 52.

Как и в случае с ВООПИиК, члены Общества в это время уделяли наименьшее внимание объектам, связанным с революционными выступлениями или деятельностью В. И. Ленина, — в документах конца 1960-х гг. есть лишь единичные упоминания таких памятных мест³⁸.

Оценить то, насколько реализуемой была программа или — шире — концепция, которую наметили члены ВООПИиК и БДООПИиК в первые годы существования организаций, не просто. Для этого недостаточно ссылки на собранные средства или перечисленные на реставрацию памятников деньги — информация такого рода содержится в архивах Центрального и местного советов ВООПИиК и БДООПИиК³⁹, однако интерпретировать ее сложно — мы плохо представляем эффективность такой работы, поскольку средства на реставрацию часто оставались неосвоенными⁴⁰.

Более значимым в рамках указанной постановки проблемы оказывается ответ на вопрос о том, имелись ли у ВООПИиК и БДООПИиК административные возможности и ресурсы для продвижения и реализации своих идей, смогли ли они — точнее, получили ли от власти разрешение — отстроить механизм, позволявший воплощать на практике собственные планы и установки?

С точки зрения администрирования, контроля и взаимодействия с советской управленческой системой общества охраны памятников в РСФСР и Белоруссии имели ряд значимых отличий. ВООПИиК всегда существовал под контролем Минкульта

38 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 80, 83-88.

39 См., например: ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 1376, 217, 284, 285; БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 11, 15, 25.

40 Судя по материалам ВООПИиК, местные отделения Общества осваивали от 80% до 35% средств, отводившихся на реставрацию, охрану и пропаганду памятников. При этом цифра в 80% считалась хорошим результатом (Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 43).

РСФСР. Интересно, что в одном из первых проектов устава ВООПИиК прямо позиционировался как структура, находящаяся под контролем министерства⁴¹. Впоследствии этот пункт был удален, а вместо прямого указания на подчинение в документе появилось рассуждение об общественно-политической значимости структуры — ВООПИиК был представлен как организация, в задачи которой входит помощь партийным и советским органам⁴².

Делопроизводственная документация БССР демонстрирует иную картину: в административном отношении БДООПИиК никак не был связан с Минкультом БССР. Более того, организация имела статус самостоятельной структуры в системе госуправления республики — в материалах, фиксирующих пятилетний план Белоруссии, и в документах о выделении ежегодных ассигнований БДООПИиК всегда значился отдельной строкой⁴³.

Существенно отличались друг от друга и принципы руководства. Главой ВООПИиК всегда являлся заместитель председателя Совмина РСФСР. С учетом того, что контроль за Обществом осуществлял Минкульт, вся активность организации в России оказывалась ограничена рамками республиканской министерской системы. Иными словами, вся коммуникация относительно развития или решения тех или иных вопросов в практическом отношении не выходила за пределы полномочий Минкульта РСФСР или, что происходило существенно реже, Совмина РСФСР. Такая административная заданность приводила порой к парадоксальным ситуациям: человек, совмещавший должности зампреда Совмина РСФСР и главы ВООПИиК, мог в рамках работы по охране памятников поддержать проект, а руководствуясь соображениями приоритета на республиканском уровне, отказать

41 ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

42 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 3.

43 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 100. Л. 1; Национальный архив Республики Беларусь (далее — НАРБ). Ф. 7. Оп. 5. Д. 4237. Л. 51-53.

в его продвижении. Именно так первый глава ВООПИиК и по совместительству зампред Совмина РСФСР В. И. Кочемасов сначала поддержал стремление Орловского отделения Общества охраны создать туристический маршрут, связанный с жизнью русских писателей XIX в. (И. С. Тургенева, Н. С. Лескова, Ф. И. Тютчева), а затем отказал в выделении средств на его реализацию⁴⁴.

Главой Белорусского добровольного общества был заместитель председателя Президиума Верховного Совета республики. Практика оформилась в 1966 г. с избранием руководителем БДООПИиК И. Ф. Климова⁴⁵. Обстоятельство, связанное с тем, что организацию возглавлял представитель парламентской власти, а не реального сектора управления, имело, на наш взгляд, ключевое значение — белорусское Общество не было зависимо от сугубо министерских решений и осуществляло вполне эффективную коммуникацию с республиканскими структурами самого разного уровня. Ведь первый человек в БДООПИиК, он же высокий представитель Верховного Совета республики, мог обратиться в Совет Министров БССР, Минкульт, Госстрой, Гостелерадио БССР или любую другую структуру с прямым запросом⁴⁶. При этом, поскольку уровень, с которого поступал запрос, был высоким, БДООПИиК получал быстрый и содержательный ответ, часто гарантировавший решение возникшей проблемы или поставленной задачи. Именно так, например, произошло в 1971 г., когда председатель Президиума Центрального совета Общества обратился

44 О задачах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: материалы V пленума Центрального совета общества. М.: Советская Россия, 1971. С. 13, 46-47; Материалы II съезда Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1973. С. 18; Аппарат ЦК КПСС и культура, 1973-1978: документы: в 2 т./сост. С. Д. Таванец и др. М.: РОССПЭН, 2011. Т. 1. С. 489-491, 544-545.

45 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 346.

46 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 1-1 об., 5, 40, 46-48.

к председателю Совета Министров БССР, указав на необходимость реставрации Екатерининской церкви XVII в. в Минске⁴⁷. За обращением последовало распоряжение Совмина взять объект на баланс Министерства культуры БССР и выделить деньги на реставрацию⁴⁸.

С точки зрения тона дискуссии и позиции, которую занимали представители руководства БДООПИиК, показательна переписка И. Ф. Климова с директором киностудии «Беларусьфильм» В. Ивановским относительно съемок в Новогрудском замке. Глава БДООПИиК обращался к руководителю студии во вполне директивном тоне: «Президиуму ЦС БООПИиК стало известно, что в г. Новогрудке на территории замка студией будут проводиться съемки нового фильма. В связи с тем, что Новогрудский замок является одним из ценнейших исторических и археологических памятников Белоруссии, Президиум... считает необходимым поставить Вас в известность о необходимости принятия тщательных мер предосторожности во время съемок, чтобы не повредить культурный слой одного из ценнейших памятников культуры Белоруссии. На территории, прилегающей к замку, и в самом замке нельзя проводить никаких земляных работ, использовать тракторы и большегрузные автомобили. В случае нарушения культурного слоя науке и культуре Белоруссии будет нанесен невосполнимый ущерб»⁴⁹. В ответ на запрос дирекция киностудии отправила в БДООПИиК письмо с объяснениями относительно планов съемок и детализацией некоторых аспектов кинопроцесса. Примечательно, что бурное обсуждение того, что следует и не следует делать, находясь на территории памятника истории и культуры, проводилось задолго до того, как на территории замка появились кинематографисты. Отметим: в России члены ВООПИиК, рассылавшие в многочисленные советские институции призывы обратить внимание на ту

47 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 22-23.

48 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 24.

49 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 40.

или иную ситуацию в сфере охраны памятников, могли использовать самые разные риторические и эмоциональные структуры — от слов убеждения до прямого возмущения⁵⁰, но выстроить коммуникацию с позиции актора они не могли. Для этого у российского Общества не было административных ресурсов.

И, наконец, одной из вполне реальных возможностей для БДООПИиК как самостоятельной и значимой на республиканском уровне организации было обращение к главе Компартии Белоруссии и члену ЦК КПСС П. М. Машерову. Подобные письма и запросы, как правило, не оставались без ответа. Например, в 1969 г. именно члены БДООПИиК предоставили Машерову докладную записку с просьбой «о вмешательстве в дело реконструкции старой части Минска»⁵¹. Очевидно, запрос дал

50 См., например: письма зам. председателя президиума Центрального совета ВООПИиК В. Н. Иванова заместителю Прокурора РСФСР А. Н. Шейкину о пересмотре решений, принятых органами прокуратуры Костромской области по поводу разрушения памятника археологии государственного значения «Столбище» в г. Галиче Костромской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 170. Л. 1); председателю Всероссийского театрального общества с призывом обратить внимание на застройку жилыми домами заповедника «Щельково» Костромской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 170. Л. 24-25); начальнику управления культуры Ярославского облисполкома об угрожающем состоянии памятников Толгского монастыря Ярославской области (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 262. Л. 11); заведующему отделом архитектуры и строительства исполкома Ярославского областного совета депутатов трудящихся И. Бобровскому о пересмотре участков строительства, наносящих ущерб памятникам и древнему облику Углича (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 262. Л. 12). Исходя из статуса адресанта, письма написаны в деловой манере, с опорой на доказательность, констатацию фактов и перечень необходимых действий. При этом руководители региональных и городских отделений Общества часто обращались в высокие инстанции напрямую, минуя Центральный совет, и в этом случае письма были более эмоциональными, напоминали не переписку между институциями, а «письма во власть» — с подробным описанием исторического значения памятников и привязкой к ключевым историческим персоналиям, что делало эти тексты более «живыми» и красноречивыми (см., например: ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 25. Л. 1-2).

51 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 1-1 об.

результаты: в начале 1974 г. в утвержденном ЦК КП Белоруссии и Совмином БССР проекте детальной планировки г. Минска были зафиксированы необходимость сохранения ценной старинной застройки, ограничение этажности новых домов, требование вывода из центра города промышленных предприятий, складов и пр.⁵² Отметим, что у членов ВООПИиК возможностей для действий такого рода не существовало — у РСФСР, как известно, не было собственной компартии; как следствие, среди республиканских руководителей не было фигуры, равнозначной П. М. Машерову.

Приведенные выше данные указывают на то, что администрирование российского и белорусского обществ формировало систему, в которой БДООПИиК имел серьезные преимущества перед ВООПИиК в части продвижения своей повестки и возможностей влиять на принятие того или иного решения. Неудивительно поэтому, что даже право на собственное периодическое издание — «Памятники Отечества» — ВООПИиК смог получить лишь в 1980 г., то есть через десять лет после того, как белорусское Общество начало публикацию своего научно-методического бюллетеня «Памятники истории и культуры Белорусской ССР»⁵³.

Финансы организаций

В уставах ВООПИиК и БДООПИиК формулировки, регулирующие финансовую деятельность организаций, были во мно-

52 НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4233. Л. 97-99.

53 В смете издания «Памятники истории и культуры Белорусской ССР», утвержденной в 1969 г., были обозначены 10 штатных единиц с месячным фондом заработной платы 1 182 руб. 50 коп. При этом в общем бюджете бюллетеня фигурировали суммы «по расходам... 37 640 рублей, по доходам — 10 тыс. руб.», а разницу в размере 27 640 руб. планировалось «возместить за счет дотации от сметы Президиума Центрального Совета БДООПИиК». Для временного размещения в 1970 г. изданию были выделены комнаты в музее Великой Отечественной войны (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 135-137).

гом схожими. И в российском, и в белорусском документе среди основных источников получения дохода фигурировали членские взносы, средства от издательской и хозяйственной деятельности, добровольные взносы и иные поступления⁵⁴. Индивидуальные членские взносы определялись на одном уровне (вступительный взнос — 15 коп., ежегодный — 30 коп.), одинаковыми были условия участия для молодежи и военнослужащих, единой была формулировка о том, что собранные средства должны тратиться на реставрацию памятников, пропаганду историко-культурного наследия, а также на содержание штатного персонала обществ⁵⁵.

Однако в уставных документах члены российской организации демонстрировали весьма неискушенный взгляд в вопросах денежного порядка, явно отличный от позиции БДООПИиК. Так, в уставе ВООПИиК параграф «Средства Общества» содержал 4 подпункта, тогда как в белорусском их было 6.

Белорусский устав отдельно оговаривал ситуацию с коллективным членством, значение которого при написании российского документа не было оценено. Устав БДООПИиК вполне четко определял, что ежегодные взносы коллективных членов должны устанавливаться по договоренности между Обществом и предприятиями, но не могут превышать 35 руб.⁵⁶ Кроме того, в указанном тексте было зафиксировано решение, что «доходы местных отделений Общества от производственной, торговой деятельности, проведения выставок и других мероприятий остаются полностью в их распоряжении»⁵⁷. Иными словами, белорусское Общество предметно обдумало вопрос о дополнительных доходах

54 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 10; Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. Минск.: б/и, 1967. С. 16-17.

55 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 11; Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17.

56 Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17-18.

57 Там же. С. 18.

местных организаций и смогло с самого начала идентифицировать главного донора — предприятия и организации, способные оформить коллективное членство⁵⁸.

В уставе ВООПИиК подобные установки зафиксированы не были. Более того, рассмотрение проектов устава российского Общества демонстрирует, что в тексте системно размывались указания на возможность получения средств помимо членских взносов. В частности, в одном из первых проектов устава фигурировало утверждение, что Общество может получать доход из средств от реализации произведений живописи, спектаклей и вечеров⁵⁹. Из более поздней версии такая формулировка исчезла⁶⁰, а в опубликованной итоговой версии устава ВООПИиК статья доходов в целом была переформулирована с серьезным смещением в сторону издательской деятельности. Здесь упоминался выпуск путеводителей, монографий, альбомов, репродукций, открыток, сувениров и пр., а приносящая доход хозяйственная деятельность от спектаклей и вечеров до производства продукции подведомственными структурами была сведена к формулировке «другие мероприятия»⁶¹. Очевидно, установка на издательскую работу, так предметно выраженная в уставных документах ВООПИиК, которые, в свою очередь, массово тиражировались в виде брошюр

- 58 Отметим, что в уставе Общества охраны памятников Армянской ССР 1983 г. вопрос о выплатах от коллективных членов Общества был описан еще более предметно: организации и предприятия были разделены на шесть групп по числу работников, а объем взносов установлен от 50 руб. (для структур в составе которых трудятся до 100 человек) до 2500 руб. для организаций и предприятий, имеющих в своем штате более 10000 чел. (Устав Общества по охране памятников истории и культуры Армянской ССР. Ереван: б/и, 1985. С. 18). Эти данные свидетельствуют о том, что уставы республиканских обществ охраны памятников могли существенно отличаться друг от друга.
- 59 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 9.
- 60 ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 1. Л. 57 б.
- 61 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 9.

и даже плакатов⁶², стала со временем восприниматься как приоритетная.

Рассмотрение практической финансовой деятельности двух организаций также позволяет сделать ряд интересных выводов. Для ВООПИиК финансовый вопрос всегда был исключительно острым. Проблемы с аккумулярованием средств возникли буквально на старте, при организации Учредительного съезда — Минфин РСФСР отклонил просьбу о содержании платного аппарата для проведения мероприятий по организации ВООПИиК. Логика министерства была предельно проста: поскольку речь шла об организации добровольного общества, оплату орграсходов следовало возложить на общественность⁶³. Впоследствии для создания материальной базы правительство РСФСР выделило ВООПИиК ссуду в 190 тыс. руб., которую Общество выплатило к началу 1970-х гг.⁶⁴ Примечательно, что к этой небольшой по меркам республиканского бюджета сумме, оформленной, кроме того, как долговое обязательство, члены ВООПИиК обращались в выступлениях на нескольких съездах Общества — ссуда рассматривалась как знак особого внимания со стороны правительства⁶⁵.

Структура доходов обществ охраны памятников в РСФСР и БССР также различались. Прежде всего, отметим ключевой аспект: аппарат ВООПИиК, призванный организовать всю работу Общества, содержался на собственные средства, в источниках нет свидетельств о выплате дотаций из правительственных средств.

62 См., например: Из Устава Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (худож. С. В. Галкин). Волгоград: РИО Упрполиграфиздата, 1980. С. 1. Документы наглядной агитации (плакаты, листовки), подготовленные и изданные областным отделением ВООПИиК, см.: Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее — ЦДНИВО). Ф. Р-6911. Оп. 3. Д. 131.

63 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 27.

64 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 37-38.

65 Там же. С. 37; Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 39.

Для российского Общества главными источниками получения средств в конце 1960-х — середине 1970-х гг. были членские взносы, добровольные пожертвования во Всероссийский фонд охраны памятников и доходы от продукции предприятий, находившихся в ведении ВООПИиК. Судя по отчету 1977 г., представленному ревизионной комиссией III съезду ВООПИиК, самые значительные средства Общество получало от коллективного членства (3,6 млн руб. в 1971 г., 4,1 млн руб. в 1976 г.)⁶⁶, вторым пунктом шли перечисления от добровольных взносов во Всероссийский фонд охраны памятников (2,8 млн руб. в 1971 г., 2,2 млн руб. в 1976 г.)⁶⁷. В середине 1970-х гг. доход от индивидуальных членских взносов, за сбор которого впоследствии так боролись все отделения ВООПИиК, составлял лишь третью статью доходов. При этом в ВООПИиК понимали, что рост этой статьи сам по себе был связан с ростом организации, увеличившейся за пять лет почти в два раза (с 7 млн человек в 1972 г. до 12,2 млн человек в 1977 г.)⁶⁸. Определенный доход приносили и несколько хозрасчетных предприятий: к 1971 г. ВООПИиК принадлежали производственно-художественные мастерские в Москве, Ростове, Туле, Перми, Брянске, Волгограде и Уфе, а также два сувенирных магазина в Москве и Суздале⁶⁹.

Созданный после Учредительного съезда ВООПИиК Фонд охраны памятников истории и культуры, который должен был пополняться за счет добровольных взносов граждан и организаций⁷⁰, первоначально вызывал огромный интерес. Еще в 1966 г. В. И. Кочемасов, представлявший идею в ЦК КПСС, говорил о том, что «общественность широко откликается» на подобную инициативу, приводя в пример обращения оперного певца И. С. Козловского и балетмейстера И. А. Моисеева,

66 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 41.

67 Там же. С. 41.

68 Там же. С. 42.

69 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38.

70 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 4-6.

предлагавших организовать концерты с целью сбора средств для Фонда⁷¹.

В октябре 1966 г. информация об учреждении Фонда охраны памятников истории и культуры была опубликована на первой странице «Советской культуры»⁷². Рассказывая читателям, что Фонд «даст дополнительные средства для возрождения всех памятников истории и культуры, для приведения их в должный порядок», статья призывала советских граждан переводить деньги на соответствующий номерной счет Госбанка СССР или приносить их в Московскую городскую контору Госбанка на Неглинной, 12. Запрос на публикацию информации о создании Фонда охраны памятников истории и культуры был послан в «Советскую Россию» и ТАСС⁷³. Возможность получения добровольных взносов от юридических лиц и советских граждан была зафиксирована в уставе ВООПИиК⁷⁴.

В первое время объем средств, поступавших в Фонд охраны памятников истории и культуры, стремительно рос. Материалы II съезда ВООПИиК фиксируют, что поступления в Фонд от отдельных граждан и организаций в 1967 г. составили 80 тыс. руб., в 1968 г. — 214 тыс. руб., в 1969 г. — 460 тыс. руб., в 1970 г. — 705 тыс. руб. В 1971 г. в Фонд поступила сумма, в четыре раза превышающая собранную в предшествующем году; она составила рекордные 2 млн 882 тыс. руб.⁷⁵ По сути, между 1969 и 1971 гг. запрос на деятельность Фонд был колоссальным. Интересно, что впоследствии упоминание Фонда

71 Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965-1967 гг./под ред. А. Н. Артизова. М.: ИстЛит, 2020. С. 85.

72 Советская культура. 1966 г. № 117 (1 октября). С. 1; ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 5.

73 ГА РФ. Ф. А-259. Оп. 45. Д. 4205. Л. 2-6.

74 Устав Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. С. 9. Аналогичные позиции были зафиксированы и в уставных документах БДООПИиК (Устав Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 17).

75 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 42.

как такового исчезло из документов ВООПИиК. Очевидно, однако, что частные пожертвования продолжали поступать. С середины 1970-х гг. в отчетных материалах Центрального совета ВООПИиК начинает появляться формулировка «добровольные взносы». При этом последние всегда составляли значительную сумму, часто превышающую доход от индивидуальных членств⁷⁶. Так, доход Общества в 1975 г. стоял из 4,1 млн руб. коллективных взносов, 2,3 млн руб. добровольных взносов, 1,8 млн руб. индивидуальных взносов и 502 тыс. руб., полученных от хозяйственной деятельности⁷⁷.

Идея заработка на производстве и продаже сувениров, которую членам ВООПИиК предложили в ЦК КПСС⁷⁸, довольно быстро провалилась. Созданные под контролем Общества в конце 1960-х гг. экспериментальные производства на хозрасчетной основе⁷⁹ быстро продемонстрировали свою неэффективность. Доходы от предприятий ВООПИиК вскоре начали резко снижаться — доход от производственной деятельности между 1971 и 1976 г. упал вдвое (с 1,4 млн руб. до 721 тыс. руб. соответственно). В Центральном совете ВООПИиК, члены которого беспокоились также о том, что ни один вид продукции, произведенной в их мастерских, не был удостоен «Знака качества», подобный провал объясняли нежеланием внедрять передовые достижения науки и нарушением дисциплины⁸⁰. Попытки наладить работу предприятий ВООПИиК посредством создания в 1971 г. Управления производственных предприятий при Центральном совете ВООПИиК не увенчались успехом. План наладить торговлю сувенирами также не был реализован — запланированное открытие новых магазинов так и осталось на бумаге.

76 См., например: ГА РФ.Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 3-4; Ф. 639. Оп. 1. Д. 676. Л. 91.

77 ГА РФ.Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 3.

78 Секретариат ЦК КПСС. Записи и стенограммы заседаний. 1965-1967 гг. С. 85.

79 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38.

80 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 43.

И хотя на съезде ВООПИиК в 1977 г. звучали слова о том, что предприятия Общества «стали рентабельными»⁸¹, закрывать мастерские начали годом ранее, когда прекратили существование производства в Пскове и Брянске⁸². В начале 1980-х гг. принадлежащие ВООПИиК производственные предприятия были переданы в другое ведомство или закрыты. В ведении Общества осталась лишь Ростовская экспериментально-художественная мастерская⁸³.

Структура доходов БДООПИиК была существенно проще. Прежде всего, система содержания аппарата Общества была увязана с получением государственных средств — БДООПИиК был обеспечен в этом отношении ассигнованиями от республиканского правительства. Так, согласно Постановлению Совета Министров БССР, в 1974 г. на финансирование аппарата БДООПИиК было заложено 206 тыс. руб., что было больше, чем бюджет, отведенный на аппарат Гостелерадио БССР (199 тыс. руб.), в четыре раза больше средств, выделяемых Союзу писателей БССР (49 тыс. руб.), и в восемнадцать раз больше средств на аналогичную статью расходов, связанную с деятельностью Союза композиторов БССР (11,6 тыс. руб.)⁸⁴.

При этом подобный финансовый вклад был систематическим. Согласно Постановлению Совета Министров БССР «О Государственном пятилетнем плане развития Народного хозяйства Белорусской ССР на 1976-1980 гг.», выплаты в фонд заработной платы БДООПИиК поступали ежегодно. На 1976 г. правительство БССР предполагало выделить бюджет в 241 тыс. руб., а к 1980 г. цифры должны были достигнуть 254 тыс. руб.⁸⁵

Судя по имеющейся у нас информации, у белорусского Общества не было ни предприятий, ни отдельного республиканского

81 Там же. С. 43.

82 ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Предисловие. С. 4-5.

83 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 38-41; Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 41-43; ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. С. 4-5.

84 НАРБ. Ф. 7. Оп. 5. Д. 4237. Л. 51-52.

85 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 100. Л. 1.

фонда для сбора средств от инициативных граждан и организаций⁸⁶. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. главную статью доходов Общества составляли выплаты от коллективных членств⁸⁷, а финансовая стабильность местных отделений обеспечивалась, как уже упоминалось, сохранением доходов от локальной активности⁸⁸. Очевидно, что административно-финансовая модель БДООПИиК, ориентированная на государственные средства, оказалась более устойчивой, нежели ориентация ВООПИиК на сбор средств «всем миром» и развитие экспериментального производства.

Отметим и существенные различия в рамках категории «расходы». С начала создания и вплоть до середины 1970-х гг. ВООПИиК ежегодно тратил на реставрацию и консервацию памятников 6-7 млн руб.⁸⁹ Траты БДООПИиК на реставрацию за этот же период были существенно меньше — от 80 до 225 тыс. руб. ежегодно⁹⁰. Иными словами, расходы БДООПИиК на реставрацию были в десятки раз меньше, чем аналогичные траты ВООПИиК. При этом, как отмечалось выше, в отношении обсуждения бюджета на реставрацию члены БДООПИиК и представители партийных и государственных структур БССР смогли выстроить коммуникацию и зачастую действовали исходя из единого понимания задач и интересов республики.

Региональный аспект: Орел и Гродно

Не менее информативны и материалы, фиксирующие распределение средств ВООПИиК и БДООПИиК на региональном уровне, а именно приходно-расходные сметы областных отделений. Продуктивнее всего рассмотреть этот аспект в сопоставительной

86 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15.

87 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 12, 22.

88 За 1967 г. Гродненское отделение БДООПИиК заработало 31010 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 22).

89 Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 44.

90 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 94. Л. 27.

перспективе, сравнив территории, схожие по численности населения, например Орловскую область РСФСР и Гродненскую область БССР. По переписи 1970 г., в первой из них проживало 929 тыс., а во второй — 1,07 млн человек⁹¹. Приведенные ниже данные отражают ситуацию за период 1967-1968 гг.

Таблица 1.

**Сметы Орловского областного отделения ВООПИиК
и Гродненского областного отделения БДООПИиК
Приходная часть (1967-1968 гг.)**

	Орловское областное отделение ВООПИиК (1967 г.) ⁹²	Гродненское областное отделение БДООПИиК (1968 г.) ⁹³
Численность персонала	8 чел.	3 чел.
Статьи расходов		
1. Административно-управленческие расходы		
Зарплата	8300	3240
Расходы на командировки	400	1300
Прочие расходы Из них:	1900	1791
начисление по соцстраху	370	162
канцелярские расходы	300	150
почтово-телеграфные расходы, телефон, радио	330	600

91 Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 г. М: Статистика, 1972. С. 10, 20.

92 ГАОО. Р-3638. Оп. 1. Д. 17. Л. 1-3.

93 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 9-10, 22-24.

содержание и текущий ремонт помещений	200	100
приобретение инвентаря	360	400
газеты	50	50
разъезды по городу	50	29
печатные материалы ⁹⁴	240	300
Итого	10333	6331
2. Организационные расходы		
Организация конференций, совещаний, пленумов, семинаров	150	500
Итого	150	500
3. Расходы на премирование	310	162
4. Соцбытовые расходы	500	259
5. Поощрение казначеев	500	250
6. Расходы на пропаганду и работу секций и комиссий		
Из них:		
составление программ, текстов лекций, методических пособий и других материалов	0	150
проведение массовых кампаний	0	100
проведение лекций и консультаций	0	100
расходы по выставкам	100	200
расходы на проведение работ с секциями и комиссиями	100	100
расходы на издательство	2000	150
прочие	100	0
Итого	2300	800

94 Имеется в виду оплата работы машинисток (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 23).

Как видно из приведенных в таблице данных, в конце 1960-х гг. Орловское отделение ВООПИиК было более чем в 3 раза крупнее Гродненского отделения БДООПИиК. И это при том, что Гродненская область БССР по численности населения была даже несколько больше Орловской области РСФСР.

Это отражало общую тенденцию: аппарат добровольных обществ в России был больше, чем в Белоруссии. В литературе приводятся данные, согласно которым в конце 1960-х гг. численность всего аппарата БДООПИиК не превышала 27 человек⁹⁵. Отметим: в это время с точки зрения неформального статуса Гродненское областное отделение фактически замыкало цепочку региональных отделений БДООПИиК — в Центральный совет оно перечисляло средств меньше, чем Брестский, Витебский, Гомельский, Могилевский и Минский областные советы⁹⁶.

Орловское отделение ВООПИиК выглядело иначе. Оно было одним из самых активных в первые годы существования Общества. В Орле к созданию организации по охране памятников истории и культуры призывали еще в 1960 г., т. е. задолго до появления республиканской структуры, а областное отделение было сформировано спустя всего три месяца после появления Постановления Совета Министров РСФСР об организации ВООПИиК⁹⁷. Вовлеченность населения в работу Общества здесь также была очень высокой: всего через полтора месяца в одном только областном центре было создано 210 первичных организаций, а в состав Общества было рекрутировано 7 тыс. человек⁹⁸. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. Орловский ВООПИиК выдвинул на рассмотрение пленумов ВООПИиК несколько круп-

95 Пастернак А.М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры. С. 346. В аппарате Минского городского отделения, считавшегося равным по статусу областным структурам, также работало 3 человека (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 5. Л. 2).

96 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 15. Л. 5.

97 ГАОО. Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 1. Л. 17-18.

98 ГАОО. Ф. Р-3638. Оп. 1. Д. 6. Л. 1.

ных региональных проектов, таких как упоминавшийся выше туристический маршрут по усадьбам русских писателей (Ясная Поляна, Мелехово, Поленово, Спасское-Лутовиново) и создание мемориального пространства, обращенного к памяти о Великой Отечественной войне, прежде всего событиям на Курской дуге⁹⁹.

Данные, представленные в таблице 1, отражают несколько тенденций, среди которых по крайней мере три кажутся значимыми для нашего анализа. Во-первых, при сопоставимости заработной платы, приходящейся на одного сотрудника аппарата, очевиден разрыв между выплатами другого рода или даже отсутствие последних для жителей РСФСР. Так, расходы на премирование, исчисленные в Гродно в 162 руб. на 3 человек, в Орле обозначены суммой в 310 руб. на 8 человек, а значит, российские сотрудники получали премии на треть меньше, чем члены белорусского Общества. Неравным образом распределялись суммы на поощрение казначеев и оплату работы машинисток¹⁰⁰. Кроме того, как видно из таблицы, в Орловской области не платили за составление программ, текстов лекций, методических пособий, проведение лекций и консультаций и даже за организацию массовых мероприятий. При этом документы региональных отделений ВООПИиК показывают, что такого рода материалы производились в огромном количестве¹⁰¹. В Гродненской области все эти позиции относились к оплачиваемой работе.

99 Материалы IV пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1971. С. 97; О задачах Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: Материалы V пленума Центрального совета общества. С. 13. Подробнее о деятельности Орловского ВООПИиК см.: Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». С. 212-217.

100 Помимо статьи бюджета «Печатные материалы» на оплату работы машинисток из нештатных фондов в Гродненской области выделялось 300 руб., а в Орловской — 240 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 15. Л. 23; ГАОО. Р-3638. Оп. 1. Д. 17. Л. 2).

101 Выпуск подобных материалов всегда входил в годовые планы работы городских и областных отделений ВООПИиК (см., например: Государственный архив Ивановской области (далее — ГАИО). Ф. П-5265. Оп. 2.

Во-вторых, обращает на себя внимание явный дисбаланс в распределении средств, выделяемых на поддержание коммуникации разного рода. Так, суммы в графе «Прочие расходы» (в составе административно-управленческой части бюджета), т. е. траты на почтовые отправления, телефон, газетную и журнальную подписку, приобретение инвентаря, перемещения по городу и пр., оказываются сопоставимы: 8 сотрудников в РСФСР тратили на это 1900 руб., а 3 сотрудника в БССР — 1791 руб. При этом статья, связанная с почтово-телеграфными расходами (включая телефон), в Гродненской области в 2 раза превышала аналогичную статью расходов у орловчан. Кроме того, сотрудники регионального отделения БДООПИиК имели существенно бóльшие средства на организацию конференций, совещаний, пленумов и семинаров — в 1967 г. им было выделено 500 руб. из основного бюджета и 100 руб. из так называемых нештатных фондов. Упомянутое отделение в ВООПИиК имело на эти расходы всего 150 руб. в год. Еще более показательна огромная разница в бюджете на командировки: орловчане получали на поездки в год 400 руб., тогда как члены Гродненского отделения БДООПИиК — 1300 руб.

В-третьих, структура бюджета и некоторые пометы в тексте демонстрируют особый уровень давления на представителей ВООПИиК. Например, в документах Орловского отделения за 1967 г. в графе «Расходы на командировки» стояла строгая приписка — «в пределах утвержденного лимита». Очевидно, что от орловчан, как и от гродненцев, ожидали соответствия предписанным стандартам и нормативам, однако лишь первые — при скудном бюджете на командировки — оказывались одновременно встроенными в дисциплинирующую парадигму¹⁰². При сопоставлении

Д. 10. Л. 3; ГАВО. Ф. 57. Оп. 1. Д. 7. Л. 9), а также отчеты Центрального совета (ГА РФ. Ф. А-639. Оп. 1. Д. 461. Л. 8).

102 Показательно, что в докладах ревизионной комиссии ВООПИиК в 1977 г. фигурировало указание на то, что все расходы по командировкам фиксируются до копейки (Материалы III съезда ВООПИиК (г. Суздаль, 26-27 июля 1977 г.). С. 46).

данных ВООПИиК и БДООПИиК бросается в глаза и указание на бюджет, выделяемый на издательскую деятельность: в Орле он оказывается в 13 раз выше гродненского (2000 руб. и 150 руб. соответственно). Можно предположить, что выделение столь серьезных средств требовало активной работы именно по указанному направлению, что в целом было далеко не самым быстрым способом донесения тех или иных воззрений до широкой публики. Кроме того, это структурировало активность отделения определенным образом, ограничивая возможности выбора сферы для приложения усилий.

В целом бюджеты Орловского отделения ВООПИиК и Гродненского отделения БДООПИиК демонстрируют, что в части получения заработка и дополнительных стимулов маленькое белорусское отделение находилось в значительно более устойчивом положении, нежели в три раза более крупное российское. При этом система финансирования была устроена таким образом, что члены БДООПИиК имели несопоставимо лучшие по отношению к российским коллегам возможности коммуникации — начиная от телефонных переговоров и командировок и заканчивая организацией публичных мероприятий. Они также были более свободны от риторики дисциплинарного давления и обладали большей акторностью при выборе траектории развития того или иного проекта.

Отметим, кроме того, что число сотрудников аппарата БДООПИиК с течением времени последовательно увеличивалось, прежде всего за счет внештатных, или, выражаясь словами источника, «нештатных», сотрудников, бюджет на выплаты которым появился уже в 1970-е гг. В начале десятилетия число таких работников составило 25% от всего аппарата БДООПИиК¹⁰³. В это же время в БДООПИиК развернулась активная борьба за повышение премиального фонда¹⁰⁴. Росло и благосостояние белорусского

103 БГАНТД. Ф. 297. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 31. Л. 1.

104 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 68. Л. 3.

общества: в первой половине 1970-х гг. у БДООПИиК появились средства на приобретение библиотек¹⁰⁵, на балансе областных отделений уже значились автомобили и т. д.¹⁰⁶ При этом приходно-расходные сметы БДООПИиК демонстрируют, что отделения зачастую не справлялись с задачей расходования средств, заложенных на дополнительные расходы¹⁰⁷.

В документах ВООПИиК ничего подобного мы не увидим. Объем выделяемых средств в первой половине 1970-х гг. оставался крайне скромным, а уровень коммуникации ограничивался, как правило, территорией конкретной области. Вместе с тем документы Общества демонстрируют устойчивое стремление к снижению затрат на содержание аппарата. Слова здесь не расходились с делом: на II съезде Общества в 1972 г. Центральная ревизионная комиссия рапортовала о резком снижении расходов на административно-хозяйственные затраты — с 60% от всех расходов в 1967 г. до 27% в 1971 г.¹⁰⁸

Материалы, отложившиеся в фондах ВООПИиК, демонстрируют, что в последующие полтора десятилетия творческая инициатива, столь очевидная для конца 1960-х гг., постепенно исчезла. Для областных отделений российского Общества значительная часть работы оказалась смещена в сторону обсуждения сбора взносов и планового рекрутирования новых членов. Уже к началу 1970-х г. отток административных кадров в ВООПИиК составлял 20-25% в год¹⁰⁹. Отметим, завершая разговор о положении областных отделений обществ охраны, что ни один из предложенных орловцами проектов не получил поддержки. Ситуация в БДООПИиК в это время была достаточно стабильна — столь

105 БГАНТД. Ф. 297. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 49. Л. 10.

106 В 1974 г. на балансе Гомельского областного совета БДООПИиК стоял автомобиль «Москвич-412», купленный за 1700 руб. (БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 75. Л. 112).

107 БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1 уд. Д. 75. Л. 13.

108 Материалы II съезда ВООПИиК (г. Ленинград, 4-6 июля 1972 г.). С. 43.

109 Там же. С. 38.

характерные для местных отделений ВООПИиК дебаты относительно неуплаты членских взносов и невыполнения плановых показателей не превратились здесь в доминирующий нарратив¹¹⁰.

В целом сопоставление ВООПИиК и БДООПИиК демонстрирует неравные условия, созданные для реализации целей организаций: в РСФСР по сравнению с БССР административных и финансовых ресурсов, а значит, и возможностей влияния на процесс принятия решений было крайне мало. Неудивительно поэтому, что в 1970-е гг. в документах ВООПИиК центральных областей РСФСР часто сквозит апатия и нежелание вовлекаться в какие бы то ни было процессы по продвижению реальной повестки, связанной с охраной историко-культурного наследия¹¹¹. В БДООПИиК, напротив, была сформирована вполне рациональная система, в которой стабильность обеспечивалась поступлениями средств из госбюджета республики, а мотивация членов зиждилась на понимании значимости собственных действий, достижимости результата и уверенности в собственном праве на получение поддержки на самом высоком уровне¹¹².

110 См., например: БГАНТД. Ф. 297. Оп. 1уд. Д. 26. Л. 80.

111 См., например, план и отчеты о работе городского отделения ВООПИиК: ГАИО. Ф. П-5265. Оп. 2. Д. 22.

112 Стоит заметить, что ситуация подобного неравенства не была секретом для членов ВООПИиК. В публикациях, на съездах и пленумах, при упоминании печальной участи памятников на территории РСФСР, ситуация часто сравнивалась не с капиталистическими странами и даже не со «странами народной демократии», а с другими советскими республиками. П.П. Ревякин, выступая на III пленуме ВООПИиК 19 октября 1970 г., отметил большие трудности при включении городов РСФСР в ограниченный перечень 115 исторических городов, подчеркнув, что «на Украине утвержден список 300 исторических городов, реконструкция которых должна проводиться на основе особой методики» (Материалы III пленума Центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. М.: Советская Россия, 1971. С. 14).

Результаты проведенного анализа позволяют утверждать, что созданная в СССР в послевоенный период сеть добровольных обществ защиты памятников представляла собой систему распределения ресурсов. Без сомнения, неотъемлемой частью новых институций был механизм, нацеленный в широком смысле слова на регуляцию публичного высказывания, однако функционирование такого механизма серьезно варьировалось от республики к республике. Ключевым звеном здесь оказывались социально-экономические условия, в которых обнаруживали себя такие, казалось бы, одинаковые по форме структуры. Все вышесказанное объясняет также отсутствие реальных усилий по созданию единого — общесоюзного — Общества охраны памятников истории и культуры и свидетельствует о том, что зафиксированные в исследовательской литературе по отношению к 1920–1930-м гг. практики «позитивной дискриминации»¹¹³ обретали новые формы в 1960–1970-е гг.

Литература

1. Банных М. П. Участие общественности в деятельности исполкомов местных Советов. М.: Юрид. лит., 1972. 152 с.
2. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Территория и история: позднесоветские проекты «Города-герои» и «Золотое кольцо». М.: Кучково поле, 2022. 400 с.
3. Болтунова Е. М., Егорова Г. С. Всесоюзный/Всероссийский: нереализованный проект создания Общества охраны памятников СССР // Правила игры на общественных началах. Власть и добровольные общественные организации в СССР 1960–1990-х гг./под общ. ред. Г. А. Янковской. Пермь: Издательский центр Пермского государственного национального исследовательского университета, 2023. С. 53–68.
4. Голотин И. В. Государственная политика в области

113 Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М.: РОССПЭН, 2011.

охраны памятников истории и культуры в 1953-1985 гг. (по материалам Ярославской области). Автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ярославль, 2011. 23 с.

5. Голубев А. В. Западный наблюдатель и западный взгляд в аффективном менеджменте советской субъективности // После Сталина. Позднесоветская субъективность (1953–1985). Сборник статей/под ред. А. Пинского. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. С. 219-253.

6. Душкина Н. О. К 40-летию со дня основания ИКОМОСа. Международные доктрины ИКОМОСа и отечественная практика сохранения наследия // Реставратор. 2006. № 1(10). С. 18-22.

7. Мартин Т. Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923-1939. М.: РОССПЭН, 2011. 664 с.

8. Мельникова Е. А. Интеллигенция как событие: валаамское наследие и его хранители в позднем СССР // *Ab Imperio*. 2023. № 1. С. 181-220.

9. Неплюев П. А. Публичная история «по-советски». Региональные отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры: «бюрократические правила игры» и историко-культурный активизм // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 58(3). С. 79-93.

10. Пастернак А. М. Становление Белорусского добровольного общества охраны памятников истории и культуры // Наука — образованию, производству, экономике: материалы XIX (66) Регион. науч.-практ. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов, Витебск, 13-14 марта 2014 г.: в 2 т. Витебск, 2014. Т. 1. С. 345-346.

11. Deschepper J. Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage // *International Journal of Heritage Studies*. 2019. Vol. 55. № 5. P. 491-506.

12. Donovan V. “How Well Do You Know Your Krai?” The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia // *Slavic Review*. 2015. Vol. 74. № 3. P. 464-483.

13. Donovan V. *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press, 2019. 246 p.

14. Gapova E. “The Land under the White Wings”: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus // *Rethinking Marxism*. 2017. Vol. 29. № 1. P. 173-198.

15. Kelly C. *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2016. 413 p.

16. Kelly C. *The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital* // *Slavonica*. 2011. Vol. 19. №9. P. 103-122.

17. Mijnsen I. *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press, 2021. 332 p.

18. Pattle Sh. *Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union* // *The Slavonic and East European Review*. 2018. Vol. 96. № 2. P. 283-309.

19. Qualls K. D. *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press, 2010. 214 p.

References

1. Bannyh, M. P. (1972) *Uchastie obshhestvennosti v deyatel'nosti ispolkomov mestnyh Sovetov* [*Public Participation in Executive Committees of Local Councils the Activities*]. Moscow: Yurid. lit.

2. Boltunova, E. M., Egorova, G. S. (2022) *Territoriya i istoriya: pozdnesovetskie proekty “Goroda-geroi” i “Zolotoe kol'tso”* [*Territory and History: Late Soviet projects “Hero Cities” and “Golden Ring”*]. Moscow: Kuchkovo pole.

3. Boltunova, E. M., Egorova, G. S. (2023) “Vsesoyuzniy/Vserossiyskiy: nerealizovanniy proekt sozdaniya Obshhestva ohrany pamyatnikov SSSR” [“All-Union/All-Russian: Unrealized Project of the Soviet Society for Monuments’ Protection”], in *Pravila igry na obshhestvennykh nacha-*

lah. *Vlast' i dobrovol'nye obshchestvennye organizatsii v SSSR 1960-1990-x gg.*/ed. by G. A. Yankovskaya) [*Rules of the Game on Voluntary Basis. Power and Voluntary Public Organizations in the USSR in the 1960s — 1990s*/ed. by G. A. Yankovskaya]. Perm': Izdatel'skiy tsentr Permskogo gosudarstvennogo nacional'nogo issledovatel'skogo universiteta, pp. 53-68.

4. Deschepper, J. (2019) “Between Future and Eternity: A Soviet Conception of Heritage”, *International Journal of Heritage Studies*, 5 (55), pp. 491-506.

5. Donovan, V. (2015) “‘How Well Do You Know Your Krai?’ The Kraevedenie revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia”, *Slavic Review*, 3 (74), pp. 464-483.

6. Donovan, V. (2019) *Chronicles in Stone: Preservation, Patriotism, and Identity in Northwest Russia*. Ithaca; London: Northern Illinois University Press.

7. Dushkina, N. O. (2006) “K 40-letiyu so dnya osnovaniya IKOMOSa. Mezhdunarodnye doktriny IKOMOSa i otechestvennaya praktika sohraneniya naslediya” [“On the 40th Anniversary of the Founding of ICOMOS. The International Doctrines of ICOMOS and the Domestic Practice of Heritage Preservation”], *Restavator*, 1 (10), pp. 18-22.

8. Gapova, E. (2017) “‘The Land under the White Wings’: The Romantic Landscaping of Socialist Belarus”, *Rethinking Marxism*, 1 (29), pp. 173-198.

9. Golotin, I. V. (2011) *Gosudarstvennaya politika v oblasti ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury v 1953-1985 gg. (po materialam Yaroslavskoy oblasti)* [*State Policy in the Field of Protection of Historical and Cultural Monuments in 1953-1985 (Case Study: Yaroslavl region)*]. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [PhD Thesis]. Yaroslavl'.

10. Golubev, A. V. (2018) “Zapadnyy nablyudatel' i zapadnyy vzglyad v affektivnom menedzhmente sovetskoy subjektivnosti” [“The Western Observer and the Western View in the Affective Management of Soviet Subjectivity”], in *Posle Stalina. Pozdnesovetskaya subjektivnost' (1953–1985). Sbornik statey*/ed. by A. Pinskiy. [*After Stalin. Late Soviet subjectivity (1953–1985). Collection of Articles*/ed. by A. Pinskiy]. St. Pe-

tersburg: Izdatel'stvo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, pp. 219-253.

11. Kelly, C. (2016) *Socialist Churches: Radical Secularization and the Preservation of the Past in Petrograd and Leningrad, 1918-1988*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

12. Kelly, C. (2011) "The Leningrad Affair. Remembering the Communist Alternative in the Second Capital", *Slavonica*, 9 (19), pp. 103-122.

13. Martin, T. (2011) *Imperiya "polozhitel'noy deyatel'nosti". Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923-1939* [*The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923-1939*]. Moscow: ROSSPEN.

14. Mel'nikova, E. A. (2023) "Intelligentsiya kak sobitie: valaamskoe nasledie i ego hraniteli v pozdnem SSSR" ["Intelligentsia as an Event: the Valaam Heritage and its Keepers in the late USSR"], *Ab Imperio*, 1, pp. 181-220.

15. Mijnsen, I. (2021) *Russia's Hero Cities: From Postwar Ruins to the Soviet Heroarchy*. Bloomington: Indiana University Press.

16. Neplyuev, P. A. (2022) "Publichnaya istoriya 'po-sovetski'. Regionalnye otdeleniya Vserossiyskogo obshhestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury: 'byurokraticheskie pravila igry' i istoriko-kul'turnyy aktivizm" ["Public History 'in Soviet Way'. Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: 'Bureaucratic Rules of the Game' and Historical and Cultural Activism"], *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya*, 3 (58), pp. 79-93.

17. Pasternak, A. M. (2014) "Stanovlenie Belorusskogo dobrovol'nogo obshhestva ohrany pamyatnikov istorii i kul'tury" ["The Formation of the Belarusian Voluntary Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments"], in *Nauka — obrazovaniyu, proizvodstvu, ekonomike: materialy XIX (66) Regional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii prepodavateley, nauchnih sotrudnikov i aspirantov Vitebsk, 13-14 marta 2014 g* [*Scholarship for Education, Production, Economics: Materials of the XIX (66) Regional Research and Practical Use Conference of*

educators, scholars and graduate students, Vitebsk, March 13-14, 2014]. Vol. 1. Vitebsk, pp. 345-346.

18. Pattle, Sh. (2018) “Forging the Golden Ring: Tourist Development and Heritage Preservation in the Late Soviet Union”, *The Slavonic and East European Review*, 2 (96), pp. 283-309.

19. Qualls, K. D. (2010) *From Ruins to Reconstruction: Urban Identity in Soviet Sevastopol after World War II*. Ithaca: Cornell University Press.